

Проф. Б. Граков

ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ

(Пережитки матриархата у сарматов)

Σαρματαί. Ἀπὸ Τανάδος δὲ ποταμοῦ ἀρχεται ἡ Ἀσία,
καὶ πρῶτον ἔθνος αὐτῆς ἐστὶν ἐν τῷ Πόντῳ Σαρ-
ματαί. Σαρματῶν δὲ ἐστὶν ἔθνος γυναικοκρατούμενον.

Псевдо-Скилак, 70.

О племени савроматов наши сведения начинаются с Геродота. Уже он, называя их родственным скифам, но самостоятельным народом, отмечает у них необычайное положение женщин. Это выражено в рассказе о происхождении савроматов от браков скифской молодежи с амазонками (Нег. IV, 110—117). Женщины савроматов, вследствие такого происхождения, истари ездят верхом на охоту, ходят на войну, носят мужскую одежду: «Ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага; некоторые из них умирают в старости безбрачными, потому что не могли выполнить этого требования» (IV, 117). Само местное название амазонок, скорее всего имя, усвоившееся скифами савроматам: *οἰβρῆται* переводится Геродотом «*ἀνδροκτόνοι*», т. е. мужеубийцы. Общеизвестно, что Геродот не раз дает перевод местных скифских названий племен: земледельцы, пахари, мужееды, черноризцы. Лингвистические соображения убедительно показывают, что «*οἰβρῆται*» переведено им неправильно, под влиянием мифа о том, что амазонки перебили на корабле взявших их в плен мужчин. Иранские корни этого слова ясны: оно значит «госпожи мужчин». Позднейшее греческое наименование савроматов «*γυναικοκρατούμενοι*» — его явная антитеза-перевод¹.

Медицинский трактат псевдо-Гиппократы рубежа VI и V вв. до н. э. «*περὶ αἵματος, ὕδατος, σπέρματος*», независимый от Геродота, кратко останавливается на савроматах: «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики с коня и сражаются с врагами, пока они в девушках. Они остаются в девицах, пока не убьют троих врагов, и не прежде поселяются с мужем, как совершат установленные обычаем жертвоприношения. Раз добыв себе мужа, они перестают ездить верхом, пока не явится необходимость во всеобщем походе» (Pseudo-Hippocr., 24). Далее говорится о выжигании правой груди для большего удобства при стрельбе из лука. Краткое упоминание о женской власти у савроматов из псевдо-Скилака, автора середины IV в. до н. э., стоит эпиграфом к настоящей статье.

¹ Ellis H. M i n n s. Scythians and Greeks. Cambridge. 1913. стр. 39.

Знаменитый Эфор, влиявший на античную географию вплоть до Клавдия Птолемея, хотя и создал идеализированный образ скифов во след Гомеру, но все же сообщает кое-что реальное и о скифах и о савроматах. К нему восходят краткие замечания Николая из Дамаска («Scythica et Caucasica», стр. 456): «Савроматы... женам своим во всем повинуются как господам; девушку не прежде выдают замуж, чем она убьет врага». Последнее замечание восходит к классической традиции Геродота и псевдо-Гиппократов.

Эти сведения, несомненно, реальны. Но со временем морализирующие тенденции, запутывая картину, заставляли и греческих и римских авторов повторять эту интересную черту, распространяя ее и на другие племена. Часто один и тот же автор, например Посидоний, Помпоний Мела, Плиний и Аммиан Марцеллин, не реален, когда говорит о скифах или сарматах в общем, но дает меткие и ясные характеристики отдельных племен сарматов, как, например, роксолан и алаи.

Весь вопрос о реальном и нереальном о скифах и савроматах в изложении античных писателей разработан М. И. Ростовцевым¹. Конечно, в его построение можно внести отдельные поправки. Так, недавно Д. П. Каллистов² хорошо показал, что черты идеализации скифов есть уже у авторов до Эфора. Но все же Эфор первый дал свою идеализирующую схему.

М. И. Ростовцев, в упомянутой книге показал, что сведения о савроматском женовластии вполне реальны, связаны с территорией и племенем маэтов в низовьях Дона и с соседними на север и восток савроматами. Рассказ о женоуправляемых сарматах единообразно повторяется и у греков и у римлян, в целом восходя к классической и раннеэллинистической традиции³. Из этого он сделал вывод об автохтонной группе придонских племен, сохранявших элементы матриархата, и решительно выставил положение о том, что савроматы не есть исторические сарматы позднего эллинизма и римского времени.

Древние географы и историки, начиная с Посидония, там, где они не связаны идеализирующей традицией древности, а рисуют реальную, ими самими или другими наблюдаемую, современность, если и вспоминают о матриархальных пережитках у сарматов, то преимущественно в стереотипных выражениях. Старое переплетается с новым. Но все же не всегда можно это старое отсечь начисто. Есть ли достаточное основание для того, чтоб опровергнуть историческое единство геродотовских савроматов и сарматов Полибия—Плиния—Аммиана? Не значит ли это отказать во всяком историческом развитии савроматам—сарматам? Кратко эту мысль выразил М. Эберт⁴: он отметил, что между савроматами и римскими сарматами прошло много времени и основные социальные и политические черты вполне могли измениться «infolge neuer Einwanderungen». Его сомнение вполне закономерно, но объяснение его возможно только частично, оно не раскрывает основной сущности явления. Но и мнение Ростовцева не вполне невероятно. Примеры доживания матриархального счета родства до классового общества есть в древности: у египтян, в Македонии римского времени, у фригийцев. В живой этнографической действительности есть яркий пример высокого положения и воинственных нравов женщин у кочевых скотоводов-туарегов. Значит, искать объяснение этого явления надо другим путем. Нелишне, впрочем, напом-

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, П. (1925), гл. III, § 3, и IV, *passim*.

² Д. П. Каллистов, Античная литературная традиция о Северном Причерноморье, «Историч. записки», № 16 (1945), стр. 182 сл.

³ М. И. Ростовцев, *ук. соч.*, гл. IV.

⁴ Reallexicon der Vorgeschichte, XIII, стр. 64, § 12.

нить твердость античной традиции, никогда не сомневавшейся в тождестве савроматов и сарматов. Особенно прочно в этом отношении сидело у Плиния Старшего. Его перечень причерноморских племен в основе конкретен, как должны были быть возможно более конкретны географические представления римского администратора и полководца о том, с чем великой империи приходилось иметь дело непосредственно. Он говорит (NH. IV, 80): «ab eo (sc. Istro) in plenum quidem omnes Scytharum sunt gentes, variae tamen litori apposita tenere, alias Getae, Daci Romanis dicti, alias Sarinatae, Graecis Sauromatae etc». Но этого, пожалуй, недостаточно, чтобы изменить или отвергнуть положение М. И. Ростовцева.

Савроматы Геродота живут за Доном: три дня пути на север от Меотиды, три дня пути на восток от Дона—начало их земель. Они ближайšie соседи маэтов, через земли которых течет Дон. От своего начала земля савроматов простирается на 15 дней пути, следовательно на 3000 стадий, т. е. около 540 км. Сообразно этому савроматов принято локализовать между Доном и Волгой. Миниз располагает их отсюда до Куйбышева и Чкалова на своей карте¹, так как за ними—земли массагетов, сравнительно хорошо локализуемые. М. И. Ростовцев, очевидно, примыкал к первой локализации. С конца V в. начинается процесс перехода савроматов на левый берег Дона: об этом говорят псевдо-Гиппократ, псевдо-Скилак и географ III в. Евдокс. Последние два называют перешедших Дон савроматов сирматами. Стефан Византийский поясняет, что Евдокс называет так савроматов; может быть, это лишь название одного из многочисленных племен савроматов-сарматов. Очень хорошо для несколько более позднего времени собирательное значение названия савроматов выражено Помпонием Мелю (I, 116 = SC, стр. 119): *ripas eius (sc. Tanaidis) Sauromatae et ripis haerentia possident, una gens, aliquot populi et aliquot nomina*».

Еще в 1888 г. Назаров открыл погребение скифской эпохи под Орском², а в 1895 г. А. А. Спицын—под Камышиным на Нижней Волге³. К 1915 г. случайные находки накопились в столь большом числе, что М. И. Ростовцев смог дать свою замечательную сводку «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма»⁴, отнеся самые ранние из них к V в., а самые поздние ко II в. до н. э. и приписав их древнейшим сарматам, в соответствии со своею изложенной выше концепцией тождества их с савроматами. В 1924 г. П. С. Рыков открыл в Сусловеком могильнике три погребения скифского времени, но определил их хронологически неверно⁵. 1925 год дал мне в руки исключительный инвентарь кургана А 12 близ станции Гмелинской Астраханской железной дороги у с. Блюменфельд⁶. Это позволило мне выделить в поволокских и куйбышевско-чкаловских степях группу памятников скифского времени. Я усмотрел в ее посетителях неподвижную на запад часть кочевых скифов. М. Эберт принял мое хронологическое и территориальное определение культуры. Вопрос об ее носителях он оставил открытым⁷. М. И. Ростовцев принял мое мнение полностью⁸.

¹ Minns, ук. соч., карта I.

² «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. XVIII, стр. 298 сл.

³ ЗРАО, том VIII (1895), стр. 144 сл. и P. R a u, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, стр. 84 сл.

⁴ МАР, вып. 37 (1918).

⁵ П. С. Рыков, Суслевский могильник, Саратов, 1935, кург. №№ 5, 26 и 43.

⁶ ESA, III (1928), стр. 25.

⁷ Reallexicon der Vorgeschichte, XIII, стр. 97, §§ 83—86.

⁸ M. R o s t o w z e w, Skythien und der Bosphorus, Berlin, 1931, стр. 477.

В 1929 г. П. Д. Рау, собрав все параллельные памятники в Нижнем Поволжье, нашел новые данные для датировок. Он отверг мою точку зрения о носителях этой культуры и, сопоставив область и время ее распространения с засвидетельствованной древними территорией савроматов, высказался следующим образом: «es sind die östlichen Nachbarn der Skythen die jenseits des Don in Asien wohnenden Skythen ähnlichen Sauromaten des Herodot»¹. Он определил их географическую область археологически, как зону нижневолжских и приуральских степей. Позднейшие открытия Рыкова² еще усилили его позицию: от Аткарска до г. Степного и Яшкулья между Волгой и Доном, до Эмбы на восток и отсюда на север до Бузулука и до Магнитогорска и Орска лежит одна археологическая культура, тождественная на всем этом протяжении. В ней нет почти никаких различий. Лишь по наличию каменных блюд на ножках, по слабым чертам связи с ананьинской культурой и по некоторым вариантам керамики и наконечников стрел можно отделить в этой культуре зону Куйбышев—Чкалов—Орск от зоны Степной—Саратов—Уральск. Культура покрывает всю территорию и савроматов (по Минизу—Рау) и сарматов (по Ростовцеву). Поэтому либо следует отказаться от его отрицания тождества обоих понятий, или искать исход позднейших сарматов далее на восток, что в недавние годы сделал М. И. Ростовцев, видя в саках предков исторических сарматов. Итак, античная традиция и данные археологии—на стороне покойного Рау. Впрочем сам Ростовцев не считает версию Рау невозможной³.

Есть и еще нечто в защиту мнения Рау. В 1925 г. я имел данные только об отличии в ритуале и вещах группы блюменфельдской от следующей по времени прохоровской, мелкие детали сходства ускользали от внимания. С 1927 по 1933 гг. раскопки дали ряд переходных форм и в ритуале и в инвентаре, а также от прохоровской группы к группе римского времени, по Рыкову и Рау. Этих данных много. Переход от погребений головою на запад в блюменфельдской ступени к меридиальному положению на юг и от этого последнего на север у позднейших сарматов совершался постепенно и медленно. Множество ритуальных мелочей переходит из стадии в стадию. То же наблюдается и в инвентаре. С VI в. до н. э. до конца IV в. н. э., т. е. в течение целой тысячи лет, на этом громадном пространстве бытовала и развивалась одна культура. Мало того, за два века до н. э. она стала развиваться по степям Украины⁴ и повлияла на развитие культур Северного Кавказа. Единство савроматов и сарматов всем этим окончательно доказывается. Но положение М. И. Ростовцева о непрерывном, то постепенном, то большими ордами, передвижении сарматов из прикаспийских степей на запад остается в силе. За это говорит прочность литературной традиции, данные эпиграфики и самое тысячелетнее развитие савроматов-сарматов между Доном, Волгой и Уралом до их объединения под именем аланов и до гуннского вторжения.

Мне не место здесь излагать сколько-нибудь подробно археологические данные о прикаспийских сарматах. Но для ясности дальнейшего изложения я считаю нужным дать хронологическую схему так, как она мне представляется теперь в результате уже тридцати лет работ М. И. Ростовцева, П. С. Рыкова, П. Д. Рау и моих.

¹ P. R a u, указ. соч., стр. 60.¹

² В различных саратовских органах. Часть не опубликована.

³ M. K o s t o w z e w, ук. соч., стр. 60.

⁴ Об этом мною готовится особая статья.

I ступень. Савроматская, или блюменфельдская, культура

Земляные курганы от $\frac{1}{2}$ до 2 м, редко выше; ямы широкие и длинные, с востока на запад, изредка овальные; реже узкие, той же ориентировки, такие обычно впускные в более ранних курганах; в случае роскошных погребений почти квадратные ямы до 20 кв. м, глубиной 3—4 м. Перекрытия плоские. Единичные катакомбы. Покойник погребен изредка скорчено на спине, обычно вытянуто, головой на запад, редко на восток, на подстилке из травы, кошмы, луба. Его сопровождают кусочки реальгара, иногда мел или белая глина. Трупосожжения редки и неясны. Совместные погребения мужчин и женщин единичны. Обычно положение обезглавленных тушек баранов, крупных частей коня, редко целого или обезглавленного коня. В инвентаре наиболее обычны мечи и кинжалы скифских типов; изредка длинные мечи до метра с обычными скифскими образцов рукоятками, бронзовые и железные, втульчатые стрелы архаических и классических типов, единичные бронзовые и железные стрелы с черешками. Редко железные копья. Конский набор—вариант скифского; керамика, переживающая огрубевшие формы позднекиммерийского времени, звериный стиль сакрально-магического значения, часто выполненный в кости, с местными формами хищников и травоядных. В женских могилах зеркала ольвийского изготовления и местные, с пластинчатой ручкой, редкие серьги одиночных форм, стеклянные и пастовые бусы архаических и классических типов в малом числе. Много черт сходства с собственно Скифией. Время VI—IV вв. до н. э.

II ступень. Савромато-сарматская, или прохоровская, культура

Курганы той же формы и размеров. Каменные кучи над главными погребениями и кольца вокруг них с обожженными глиняными площадками на горизонте. Иногда кострища и сожжение тризны в насыпи. Ямы под плоским перекрытием из бревен, жердей, хвороста, обычно длинные и широкие, но уже ям предшествующей эпохи. Вариант—овальные ямы. Редкие катакомбы с квадратной ямой, но чаще сравнительно с предыдущей ступенью. Ориентировка ям СВ—ЮЗ или чаще прямо с севера на юг. При коллективных (несколько мужчин, реже женщин и мужчин) захоронениях часто ямы—размером и ориентировки блюменфельдского кургана А 12. По стенам вдоль ямы иногда заплечики для перекрытия. Иногда ступеньки для спуска в яму. Стены часто облицованы плетнем. Покойника сопровождает обильная подсыпка мела или белой глины и их куски; иногда уголь; реальгара нет. Всегда труположение головой на юг, редчайшие случаи на запад. Единичные скорченные на спине, обычно вытянутые. Подстилка—трава, кошма, ткань, жерди. Гробов нет. Изредка покрытие жердями. Заупокойная пища—крупные части баранов, лошадей, коров. Положение обезглавленных тушек баранов и погребение лошадей редки. В инвентаре: вырождение скифских мечей и кинжалов, господство короткого меча с серповидным навершием и прямым перекрестием, чаще встречаются длинные, до метра, мечи с такой же рукоятью или с рукоятью чертомлыкского типа; почти полное исчезновение копий; преобладают втульчатые стрелы, бронзовые и железные, типов эллинистической Скифии, дальнейшее развитие черешкового трехлопастного наконечника, но он еще далек от господствующей, как позже, роли. Зеркало с ручками или без них, чаще с валиком по краю. Они изредка есть и в мужских погребениях; часто зеркала сломаны пред-

намеренно. Их кладут явно с религиозными целями. Бусы греческого и иранского импорта IV—II в., импортные иранские блюда и украшения; борьба сакрального звериного стиля с декоративным и постепенная победа последнего, иранская и сибирская струя в нем. Общее ослабление звериного стиля, появление многоцветности. Новые формы плоскодонной и круглодонной керамики—яйцевидная и шаровидная, черные лощеные сосуды, алебастровые яйцевидные флаконы. Время IV—II вв. до н. э.

III ступень. Сарматская, или сусловская, культура

Низкие расплывчатые курганы. Ямы квадратные, круглые, широкие с заплечиками, около н. э. господство узких ям, увеличение числа узких катакомб, то под западную, то под восточную стенку. Перекрытие ям жердями и колотыми плахами, такое же отделение катакомб. Мериональная ориентировка ям. В круглых и квадратных ямах юго-западное положение покойника по диагонали, иногда скорченно на спине; редчайшая западная ориентировка, повидимому, локально на р. Торгуни и вокруг Степного. В простых ямах и катакомбах решительно преобладает вытянутое положение головой на юг. В конце периода в квадратных ямах иногда СВ ориентировка костяка, в остальных северная, редкое появление в то же время искусственной деформации черепов. Подстилка из кошмы, луба или ткани. В конце периода редкие гробы из луба. Редкие частичные или полные трупосожжения в яме. Посыпка погребения и дна мелом и известью; куски мела, изредка серы; зеркала иногда в осколках. Пища—нога барана в миске. Целые тушки без головы—единичны. В инвентаре известны: короткие мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, длинные мечи (изредка) без перекрестия и навершия или с напуском хальцедонового или стеклянного навершия¹; копий нет; трехлопастные черешковые стрелы, алебастровые сосуды, иногда с ручками в виде зверка, а зеркала с ободком и конической выпуклостью на обороте и с черешком для ручки, зеркальце с ушком сбоку и с выпуклостью на обороте. Шаровидные и яйцевидные сосуды с цилиндрическим горлом, черные лощеные кувшины, серые лощеные миски, ритуальные стопки и цилиндрические сосудики. Позднеэллинистические и римские бусы причерноморского импорта и т. д. Время—с конца II в. до н. э. до II в. н. э. (Stufe A, по Рау).

IV ступень. Аланская, или шиновская, культура

Низкие курганы (10—12 см), малого диаметра (9—16 м). Иногда низкие длинные насыпи, ориентированные с В на З, в них могилы в западном конце. Обычная форма ям—узкая грунтовая яма или узкая катакомба или подбой, почти всегда под западную стенку. Мел в подсыпке почти отсутствует, в кусках редок; куски серы обычны. Покойник лежит вытянуто, всегда головой на север, правая рука часто на животе или на локте, иногда скорченно на левом боку, скорченность очень слабая. Подстилки те же. Часто гроб из луба, редко из досок. До 70% черепов носят следы сильной искусственной деформации.

В инвентаре: только длинные мечи предыдущей стадии, кинжалы этой же формы; железные черешковые стрелы с упором под жалом и с трехлопастной головкой; лопасти треугольные или полуромбические; большие луки с костяными обкладками. Фибулы различных позднеримских

¹ П. Д. Рау считал, что в погребениях этой ступени длинные мечи не встречаются («Hügelgräber römischer Zeit», Pokrowsk, 1927, стр. 68 и 110). М. И. Ростовцев высказал по этому поводу законное сомнение («Scythien und der Bosphorus», стр. 598). Он совершенно прав. Примеры этого есть: курган № 5 в урочище «Три брата» (СА, I, стр. 154); Сусловский могильник, курган № 32 и др.

типов, зеркальца—привески или круглые с ушком на обороте — в мужских могилах редки; иногда только часть зеркала; усеченные конические глиняные пряслица, кубические ритуальные сосудики, железные туалетные ножницы римского образца, различные бусы позднеримского времени, особенно плоские сердоликовые параллелепипеды со срезанными углами, иногда одиночные на проволочной дужке в виде кулона, золотые и бронзовые диадемы в многоцветном стиле, серьги калачиком в том же стиле. Грубые яйцевидные и асимметричные сосуды с уплощенно-круглым дном, большие кувшины черного и красного лоска, редкий импорт краснолаковых мелких сосудов и рубчатых пантикапейских неокрашенных кувшинов и т. п. Время — II—IV вв. н. э. (Stufe B, по Рау).

Я не буду касаться здесь ни развития форм погребения и ритуала в течение целого тысячелетия, ни развития инвентарей и отдельных вещей, ни полной, по силе возможности, картины социального и политического строя. Я считаю, что точка зрения М. И. Ростовцева на савроматов опровергнута правильными соображениями Рау и всей совокупностью археологических данных. Даже в изложенной схеме видно органическое развитие ритуала и инвентаря на месте. Моя цель показать, что археологически может быть прослежено наличие пережитков материнского рода у савроматов-сарматов и их постепенное исчезновение, прослеживаемое как раз к тому времени, когда с ними непосредственно столкнулся Рим и когда предание о гинэократии у сарматов стало только литературной реминисценцией.

1. Савроматская, или блюменфельдская, культура

На высоком плато над долинами реки Урала и его притока Бердянки, в 5 км к юго-востоку от подгородного городу Чкалову поселка Благословенки на Бухарской стороне находится урочище Бис-оба, т. е. «Пять могил». Это курганное поле тянется на $1\frac{1}{2}$ км и распадается на три отдельных, хотя и связанных отдельными насыпями, подгруппы: в первой из них три кургана, во второй четырнадцать, а в третьей—шесть. Такое отношение не дает представления о развитии группы в целом. К интересующему нас времени относится один курган в первой и два во второй подгруппе.

Первый из них (по дневнику № 2)—высотой 0,95 м, диаметром 18 м. В насыпи оказалось много остатков большого костра, бараньих и конских костей. Жестокое древнее ограбление смешало все внутри могилы, имевшей размеры $2,60 \times 2 \times 1,60$ м, ориентированной с ЮВ на СЗ. По фрагментам керамики это погребение может быть блюменфельдской культуры, но по обряду—скорее начала прохоровской. Второй курган (по дневнику № 7), высотой 0,50 м, диаметром 17 м, имел совершенно чистую насыпь. Большая могильная яма была покрыта сверху поперек толстыми бревнами, на горизонте у ее южного края лежали сложенные в кучу череп, бедро, верхний конец большой берцовой и несколько ребер человека. Близкая по форме к овалу могильная яма была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Ее размеры $3,35 \times 2,70 \times 1,90$ м. На дне костяк молодой женщины головой на ВСВ. У левого плеча лежало большое круглое гладкое зеркало, диаметром—18,5 см. с боковой пластинчатой ручкой, отлитой вместе, ее длина—10 см. Слева находилось круглое каменное блюдо на двух ножках в виде медвежьих (?) тупорылых голов. У него нет части края. Большое конское ребро—единственная загребная пища.

Третий (по дневнику № 8) курган, высотой 0,85 м, при поперечнике с С на Ю—16 м, с В на З—14 м, жестоко разграблен в древности. Кости

лошади, овцы, человека, куски плоского каменного блюда, железный псалий и т. п. разбросаны в насыпи. Грабители сдвинули в сторону бревна перекрытия, вместе с лежащим на них остовом коня. Могильная яма была почти овальная, размером $2,50 \times 2,40 \times 1,45$ м. В ней находки того же характера, что в насыпи и грабительской яме. Отмечу находку 7 бронзовых трехлопастных наконечников стрел, скорее всего относящихся к V в. до н. э. Общий облик кургана — блюменфельдской ступени. Пол захороненного неясен. Хотя это к теме и не относится, но не могу не сообщить одной детали. Древние грабители, сдвинувшие настил над могилой, попали впросак. Еще ранее их кто-то проник под настил узкой миной.

Обо всей группе на Бис-обе ничего нельзя сказать, кроме того, что ее древнейшие курганы относятся к позднему времени блюменфельдской культуры. Второй из этих курганов, при всей чистоте ритуала, ближе к концу этой культуры: найденное в нем зеркало весьма известно уже в прохоровской ступени. Отмечу, что это женское погребение при всей простоте инвентаря интересно тремя особыми чертами: жертвою из человеческих костей, обширностью могилы с чрезвычайно мощным перекрытием и постановкой каменного блюда на трех ножках.

Летом 1928 г. мне довелось натолкнуться на оригинальное сочетание погребения блюменфельдского типа с погребением прохоровского времени в 22 км от Чкалова по Орскому тракту и в 4-х за Нежинским поселком, всего в $3\frac{1}{2}$ км восточнее описываемой ниже группы, лежащей на суходоле, носящем название Башкирского стойла. Здесь у самого шоссе, на краю той же левобережной надпойменной террасы р. Урала, в урочище «Горбатый мост», не вполне правильной цепью с запада на восток тянулось 11 невысоких курганов. Все курганы — от полуметра до метра, кроме одного, второго с востока, имевшего 1,50 м высоты. Мною было вскрыто шесть. Лишь курган № 1, небольшой высоты и малого диаметра, содержал основное погребение золотоордынского времени. В остальных пяти оказалось одно погребение блюменфельдской и шесть прохоровской культуры. Для нашей темы важен только курган № 5, имевший 0,61 м высоты и 16,25 м в диаметре. Могила в древности разграблена открытым способом сверху. Она была перекрыта деревом (сохранился тлен), ее стенки оплетены ветвями тальника или осокоря, по форме она была близка к четырехугольной и ориентирована с В на З. Ее длина 2,90 м, ширина 1,90 м, глубина 1,61 м. На месте сохранились таз, ноги и кисть правой руки. Костяк женщины покоился на подстилке из травы на запад головой. У южной стенки лежал обезглавленный баран и на нем куча крупных конских костей. Все сооружение и обряд типичны для блюменфельдской культуры. В инвентаре следует отметить бронзовое шило, массивный втульчатый трехлопастный наконечник стрелы из бронзы и каменное четырехугольное блюдо на четырех ножках. Погребение не позже VI в. до н. э. Поверхность блюда не носит никаких следов растирания, но окрашена красной краской; на блюде лежали куски реальгара, речная галька и три большие ископаемые третичные раковины. У левой пятки костяка находился кусок реальгара. Все остальные погребения группы, как сказано, относятся к прохоровской культуре. Тип стрел, бус и меча из кургана № 4 указывают на эпоху расцвета прохоровской культуры IV—III вв. до н. э. Из четырех нераскопанных в группе курганов один по форме может быть только позднекочевническим, остальные — скифо-сарматского времени. Таким образом, даже и при неполной раскопке группы приходится констатировать, что она возникла вокруг женского погребения, сопровождаемого стрелой и такой редкой и важной деталью, как каменное блюдо.

Блюменфельдская и прохоровская культуры—только две ступени развития, тесно связанные рядом переходных форм погребального ритуала и инвентаря. Более поздние погребения сгруппировались в данном случае вокруг могилы своего женского предка преемственно; сохранялась и создавалась связь единства крови и культа. В другой группе на Бис-обе мы этого констатировать не могли, так как курганов одного времени там было раскопано слишком мало. Дальше, на примере двух более полно раскопанных групп чисто прохоровской культуры наблюдается подчеркнутое торжественностью погребального комплекса объединение небольших могильников вокруг женского предка или женщины, хозяйки большой семьи.

Делом археологической случайности является то, что погребений блюменфельдского времени в Поуралье немного. Курганы эти одиноки и не образуют целых групп; раскопки же здесь еще никогда не достигали размеров, сколько-нибудь близких к размаху работ саратовских археологов. От прежних лет лишь раскопки Назарова, Нефедова, Кастанье дали памятники этого рода, между прочим — замечательное женское погребение на Бис-обе, близ Орска, очень богатое, но без отчетливых признаков религиозного значения или воинственного обихода погребений, упомянутое выше. Раскопки местных работников послереволюционных лет дали отличные находки, но описаны довольно сумбурно.

Отбросившиеся к этому времени случайные находки прежних лет дают подчас близкие аналогии нашим блюдам и по составу даже много роскошнее. Так, в Куйбышевском музее хранятся находки из кургана, разрытого крестьянином Тарасовым в Крыловском хуторе, Любимовской вол., Бузулукского уезда¹. Находки относятся к интересующему нас времени. Золотые биконические бусы и рубчатые того же металла трубки, ожерелья вместе с зеркалом — части женского инвентаря. Кроме того, 14 наконечников стрел, железный меч и три каменные блюда на ножках: 1) круглое на трех ножках с фигурами хищников по краю и на дне, 2) круглое на четырех ножках с арочным орнаментом, 3) овальное на четырех ножках. Связь блюд с женскими погребениями показана нашими раскопками. Инвентарь кургана скорее всего женский.

Ф. Д. Нефедов доследовал курган Елга Бузулукского уезда, той же Любимовской волости, до него вскрытый крестьянами. Описание могилы неясно и, скорее всего, им не совсем понятно². Но здесь налицо, несомненно, одно погребение и один инвентарь: из него дошли ручка ольвийского зеркала с фигуркою барса, колесико-пронизь из бронзы, собственные блюменфельдской и ананьинской культурам. Были найдены два наконечника стрел и бронзовый сосуд. Их судьба мне неизвестна. Блюдо,—четыреугольное на четырех ножках, по его краю своеобразный орнамент вроде следующих в ряд контуров дельфина. Такое же целое зеркало—в прекрасном женском погребении курганной группы Бис-оба под Орском. Погребение Елга по инвентарю явно женское.

Очень интересен случайно открытый курган у Черниговского поселка, Магнитной станицы, в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии³. Вещи попали к Нефедову; а добросовестные показания находчиков и тщательный протокол пристава не оставляют сомнения в том, что здесь была одна крытая деревом могила. Казаки ясно заметили, что потолок провалился в древности. Погребение, раскопанное, несомненно, не по всей площади, дало такие находки: каменное блюдо на трех ножках

¹ ЗРАО, VIII, стр. 164 и 165.

² «Материалы по археологии восточных губерний», т. III, М., 1898, стр. 35 сл.

³ Там же, стр. 33.

в виде голов тупорылых животных, с дельфинообразным рельефом по краю, бронзовое зеркало, 50 штук стрел, бронзовый уздечный набор, кинжал или короткий меч обычного типа. Состав погребения скорей всего женский. В Чкаловском музее хранятся два круглых блюда на трех ножках: одно с Магнитской горы с арочным орнаментом по краю и вертикально избегающим дельфинообразным по ножкам; другое — из бывшей Тургайской области, гладкое, на двух ножках в виде звериных голов, как у моего с Бис-оба и из-под Магнитогорска с той же Маячной горы. В Государственном историческом музее есть блюдо с дельфинообразным орнаментом на трех ножках по краю из бывшей Тургайской области, поступившее от Нефедова. В Челябинском музее есть круглое блюдо на трех ножках с арочным орнаментом по краю из-под Челябинска, о нем мне сообщил и подарил его рисунок покойный П. А. Дмитриев. В Чкаловском музее есть четырехугольное блюдо из-под Аландского поселка Орского уезда; оно вполне тождественно с найденным мною у Горбатого моста. В последнее время перед войной М. М. Тальгрэн собрал и издал эти блюда¹. Плодом явного недоразумения является его утверждение, что такие блюда были находимы только в мужских могилах. Он, очевидно, был введен в заблуждение находкой в некоторых из них стрел, а о нашей находке на Бис-обе у поселка Благословенского он не был осведомлен.

Несомненно женским является и погребение, открытое случайно крестьянами в 1927 г. в Соболевской волости Уральской губ., на границе Бузулукского уезда. Вещи были получены покойной В. В. Гольмстен от находчиков немедленно. В состав находки входили: 1) бронзовое зеркало с костяной ручкой в зверином стиле, 2) туалетная костяная ложечка с орлиной головой на вершини и 3) какое-то количество бронзовых наконечников стрел². Все эти случайные погребения VI в. до н. э., лишь находка из Любимовской волости относится по стрелам к V в.

Итак, среди женских погребений блюменфельдской культуры в Поуралье мы находим погребения женщин, стрелков из лука, иногда конных, как в кургане близ Магнитогорска. Что касается каменных блюд, то в них едва ли можно признать туалетные дамские принадлежности: для растирания румян и белил они слишком громоздки. Для этой цели употреблялись створки речных раковин и костяные ложечки. В кургане № 1 блюдо находилось на своеобразном столбе, сбитом из глины и извести. Белая глина, мел и известь на всех ступенях сарматской культуры Прикаспия хорошо представлены в погребальном ритуале. Скорее всего они играли очистительную роль. Блюдо с Горбатого моста содержало на своей поверхности, как уже сказано, две раковины третичного времени, по консистенции почти мел, кусочек реальгара, по своей режущей кристаллической структуре никак не могшего служить румянами, вероятнее всего, знаменовавшего оживляющую кровь и часто встречаемого в могилах блюменфельдской культуры, и небольшую гальку со слабо стертой нижней стороной. Вся поверхность этого блюда, как сказано, была натерта густо реальгаром, но она не была отшлифована. Галька, вероятно, служила для натирания поверхности краской. Эти блюда служили, по их связи с медом и реальгаром, по декорировке сакральным звериным стилем, переносными алтарями. Служили ли они только для заупокойного культа? Нет. Блюду в могиле с урочища Бис-оба недоставало части края, отбитого еще в быту, и уже в таком виде оно пошло в могилу. Эти переносные алтари, следовательно, жили и

¹ ESA, XI, «Portable altars».

² ESA, III, стр. 57, рис. 42 и 43.

в быту. Кочевой быт савроматов блюменфельдского времени вызвал к жизни эту форму переносных алтарей, столь для него удобную. Мел, вероятно, играл очистительную роль и в жизни. Реальгар на блюде, может быть, символизировал кровавые жертвы на нем при жизни жрицы. Дело в том, что полагающийся покойнику-савромату, мужчине ли, женщине ли, кусочек реальгара лежал сам по себе при покойнике, отдельно, вне связи с блеском.

В полном соответствии с повествованием Гиппократов женщины савроматов не только воевали, но и были жрицами. Поэтому понятно нахождение таких алтарей именно в женских, а не в мужских погребениях. В связи с религиозной ролью женщины стоит, вероятно, появление в их обиходе звергнуго стили, почти не допускавшегося для них в самой Скифии. Воинственные жрицы савроматов не были только жрицами. Раскопки сплошных курганных Сусловского, Покровского-на-Волге, группы А под Блюменфельдом, Елга под Бузулуком, Горбатого моста показали, что в блюменфельдское время курганы насыпались в одиночку и лишь потом к ним прирастали более поздние сплошные сарматские группы. Курганный Горбатого моста показывает, что уже в следующую, прохоровскую эпоху савроматы-сарматы, непосредственно связанные временем и преемственностью традиции с предшествующей эпохой, первые усвоили эту манеру, сосредоточивая свои погребения вокруг женской своей прародительницы. Значит, еще в савроматском обществе женщины играли роль матери-предка в среде рода и большой семьи. Эти могильники слишком малы для целого рода. Так археологические памятники открывают третью сторону этой жизни, не досказанную в писаниях отца истории и его ближайших преемников IV и III вв. до н. э.

Значительно труднее отделить женские погребения блюменфельдской культуры с особенностями ритуала и инвентаря в интересном для нашей темы смысле в Нижнем Поволжье. Всего погребений этого времени отсюда известно около полусотни. Не более четверти всего этого числа дошло до нашего времени в неповрежденном состоянии. Среди них заведомо женских только три. Твердо женские погребения из числа потревоженных ограблены слишком жестоко. Среди неопределенных по полу и ограбленных можно подозревать как женские только немногие. К тому же в Поволжье отсутствует особенность женских савроматских могил среднего и верхнего течения Урала—каменные блюда. Нет в погребениях блюменфельдского времени надлежащих торжественных сооружений. В Нижнем Поволжье возможность проследить особые обычаи в некоторых женских погребениях почти неуловима, да и уловима часто едва заметна.

Ритуал всех этих погребений обычен, и потому на нем я останавливаться не буду. Остановлюсь сначала на тех из них, которые включают в инвентарь оружие. Так курган D 17, погребение 2, у колонны Альт-Веймар¹. Погребение совершенно разрушено; пол не определен. В составе инвентаря: кусок бронзового браслета, раковина, трехлопастный черешковый наконечник стрелы, реальгар и гипс в кристаллах. Есть, однако, в этом инвентаре нечто, что позволяет определить погребение как женское. Это раковина. Погребальные сооружения, и ритуал, и инвентарь с блюменфельдского времени до аланских погребений с деформированными черепами ясно показывают в степях Прикаспия непрерывность развития, слабо нарушаемого внешними влияниями. Поэтому обычай, дошедший в чистом виде до позднего времени, ретроспективно может иной раз осветить явление предшествующее. П. С. Рыковым было открыто, что речные раковины встречаются в позднесарматских курганах римского

¹ P. R a u, Die Gräber der frühen Eisenzeit usw, стр. 74 сл.

времени и что они служат посудой для разведенья румян и белил. Они встречены им 6 раз и только в женских погребениях Сусловского могильника и один раз на р. Торгун (курганы 12, 13, 35, 37, 38 и 45). Несколко подобных случаев было позднее наблюдено у Блюменфельда, Харьковского, Степного. Обратясь назад, мы находим таковую раковину в женском погребении № 8 кургана F 10 у хутора Шульц, где нетронутая женская могила, не имеющая ярких особенностей инвентаря, интересных для нашей темы, включала зеркало и такую раковину. Более поздний обычай, таким образом, уходит назад и оказывается и там признаком женского обихода.

Другая вооруженная женщина покоилась в погребении юго-восточной курганной группы близ Покровска (Энгельса) на Волге в кургане № 31 (из раскопок П. С. Рыкова в 1927 г.). При специфически женской детали туалета—плоской туалетной ложечке—в состав инвентаря входят три приземистые трехлопастные втульчатые стрелы из бронзы, типа, по Рау, VI—V вв. до н. э. Как и раковина, туалетная ложечка на всем протяжении сарматской культуры в Прикаспии—деталь только женского обихода. Примерами этого служат для блюменфельдской стадии изумительное по богатству погребение в Соболевской волости Бузулукского уезда и погребение из раскопок Назарова у Бис-обы, Орского уезда, для прохоровской ступени—погребение девушки в кургане № 14 II группы у села Харьковки, многочисленные ложечки кургана № II самой Прохоровки, курган № 2 Башкирского стояла в моих раскопках 1927 г.; в Сусловском могильнике такие ложечки найдены в женских погребениях курганов 45 и 54, относящихся или ко времени незадолго до н. э., или вскоре после него. Есть они и еще кое-где.

Упомяну еще два женских погребения в кургане № 5 этого времени: из Сусловского могильника и в кургане у с. Золотушенского бывш. Астраханской губ. Ритуал обоих обычен. Костяки—женские. В инвентарях обоих по золотой бляхе. Что они украшали—неясно. Предметы из золота есть и в мужских и в женских могилах этой культуры. Они редки в Поволжье, но много обычнее в Приуралье. Бляхи обоих погребений—в обычном зверином стиле: на одной—лежащая пантера, на другой—медведь. Звериный стиль в погребениях блюменфельдского времени не так уже обычен. Подобно тому как в архаической и классической Скифии Причерноморья, он и здесь не превратился в это время в стиль чисто декоративный, а имел еще и символическо-религиозный характер. Там он украшал предметы воинского обихода у мужчин, сообщая им особые свойства. Точно так же зеркало у женщин в Скифии имело и религиозный смысл. В блюменфельдских погребениях то же самое: звериный стиль сопровождает оружие мужчин и зеркала и туалетные ложечки у женщин. Его магический смысл—тот же, что и у берегов Черного моря. Как в эпоху Чертомдыка и Солохи не без борьбы этот стиль в Скифии превратился понемногу в декоративный, так же случилось с ним и в раннее время прохоровской культуры. Поэтому кажется вполне вероятным, что исключительные для женского обихода упомянутые золотые бляхи в Нижнем Поволжье могли отвечать религиозным функциям погребенных савроматов, подобно тому, как в Приуралье женщины-жрицы сопровождались блюдами-алтарями в зверином стиле. Это тем более возможно, что в упомянутом кургане № 5 Сусловского могильника на перекрытии ямы находилась большой щит черепахи с положенною в него половиной сосуда наподобие блюда-алтаря с Горбатого моста с лежавшими на нем предметами ритуального назначения. Взаимосвязь с Приуральем слишком тесна; обычай иметь переносные алтари, возможно, и даже вероятно, существовал и здесь. Но саратовская и калмыцкая степи бедны камнем, а тем более

таким, из которого можно было бы делать такие алтари. Поэтому мы их и не знаем. Ведь также отсутствуют в этих краях и каменные сооружения внутри курганов, столь обычные в некоторые эпохи для каменистого среднего Поуралья и Куйбышевской области. В дальнейшем находки таких блюд, конечно, единичные и заносные из более северной савроматской степи, здесь возможны.

В Поволжье известно мало прохоровского типа погребений, и к тому же одиноких, в группах позднейшего времени. Лишь перед смертью П. Д. Рау удалось открыть таковые. Об этом мне известно лишь из короткого с ним разговора и одного его письма ко мне без подробностей. Поэтому роль женщины в семье и в счете родства здесь может быть только предположена из полного параллелизма развития с чкаловско-куйбышевской группой. Но, конечно, она более чем вероятна.

II. Савромато-сарматская, или прохоровская, культура

Группа на Башкирском стойле находится в полукилометре на ВСВ от поселка Нежинского, в 18—19 км от Чкалова, между впадением реки Нежинки и р. Уралом на высоком сухом берегу этого последнего. Здесь на протяжении около 100 м с ЗЮЗ и ВСВ тянется, неправильно извиваясь, цепочка из 9 курганов. Из них 7 были мною вскрыты в июне 1927 г. Два я оставил без внимания, так как они были испорчены совершенно хищническим вскрытием относительно недавнего времени. В семи курганах было 11 погребений сарматской культуры прохоровского типа. Определить число женских и мужских погребений сколько-нибудь точно нельзя, так как даже из шести уцелевших от древнего ограбления только четыре сохранились сносно. Из них 2 было мужских и 2 женских. В пяти курганах было по одному погребению, в одном 2 и в одном 4. Погребения эти не коллективные, а каждое в отдельной яме. Датировочных вещей немного, но тип одного зеркала (курган № 4, погребение 2) и одного меча (курган № 6) позволяет все это небольшое кладбище относить к рубежу IV—III вв. до н. э. Зеркало по типу совпадает с общеизвестным кульбским, рукоять меча—известного чертомлыкско-кульбского типа. Пять курганов очень невелики: их высота от 15 до 40 см, диаметр 10—13 м. Только у кургана № 4—высота—40 см, а диаметр—20 м, но он содержал в себе 4 погребения прохоровского типа и два средневековых позднесредневековых. Зато отчетливо выделяется курган № 2. Он выдвинулся из цепочки метров на 30 к северу, на самое высокое место на этом маленьком плато. Только он один виден с проходящего метра в 200 к северу Орского тракта. Да он и выше других в три раза. Его высота 90 см, диаметр 25 м. В древности он был, конечно, еще выше и заметнее. Всякий, кто только бывал в Чкаловской степи, отлично знает, что метровый курган на самой невысокой гряде виден за несколько километров и издали кажется очень крупным. Отличается он и во внутреннем устройстве. Десять погребений этого могильника не представляют сколько-нибудь существенных различий от обычного, наиболее распространенного типа прохоровских могил. Отдельные конструктивные детали не представляют ничего исключительного и не выходят за пределы обычных вариантов. Могила же относительно крупного кургана № 2, да и внутреннее устройство насыпи представляют существенный, хотя отнюдь не единственный в прохоровской культуре, вариант. Прежде всего вокруг могилы было сооружено на горизонте кольцо из плит красного песчаника, до 1 м высотой, толщиной до 0,50 м. Кольцо в плане—неправильный овал, поперечником с С на Ю—12 м, с В на З—11,5 м. Кое-где камни были поставлены, кое-где лежали по четыре друг

на друге. Могильная яма—в самом центре. Над ней куча из камней, выгнутая подковообразно (что известно и в других случаях), длиной 4 м, высотой до полуметра. Вокруг ямы, диаметром в 9 м, толщиной около 10 м, сделана площадка из глины выкида, почти круглая. Она плотно убита и слабо обожжена. Могила была продольно покрыта бревнами, опавшими вниз. Было ли перекрытие сверху намазано глиной, как это иногда наблюдается в других курганах этого времени, здесь установлено не было.

Яма имела форму овала, ориентирована с ССВ на ЮЮЗ. Длина ее 2,40 м, ширина 1,60 м, глубина 2,50 м.

В яме, на глубине 1,40 м, лежал костяк молодого мужчины, голову на юг, с коротким кинжалом у правого бедра. Он был покрыт продольно осокоревыми жердями и лежал на тлене ткани и таких же жердях. Его положение, кинжал, все—обыденное прохоровское. Его похоронили, несомненно, тогда, когда перекрытие ямы более раннего погребения уже провалилось, яма затянута землей. Для него, конечно, пришлось разобрать, хотя бы частично, и затем вновь привести в порядок каменную кучу над могилой. Все же расположение этой кучи по отношению к яме показывает, что она с нею—единое сооружение. Костяк мужчины был опущен в старую могилу, расположение которой было хорошо известно, он ее не нарушил; для него разбирали и снова сооружали каменную кучу. Он, очевидно, ближайшим образом (вероятно, каким-то родством) связан с захороненным ранее лицом. Это лицо покоилось на дне ямы: женщина немолодого возраста, низкого роста (1,50 м), как всегда, лежала вытянуто головой на юг. В своей громадной (4 кв. м) и глубокой могиле (2,80 м) на дне, устланном тканью изумительного яркого пурпурного цвета и под подстилку усыпанным очень густо белой глиной, она покоилась с какой-то особенной торжественностью. Ни одна черта ритуала в отдельности не нова: они встречаются не только в других курганных группах прохоровской культуры, но частично и в группе на Башкирском стойле. Но важна их совокупность в одном кургане и отношение к другим курганам этой же группы: и самый курган выше и выделен местоположением среди других, и надмогильное сооружение из камня и глины сложнее и больше, и бревна перекрытия толще, и захороненный позднее родственник старался возможно менее потревожить это сооружение, и яма обширнее и глубже, и подстилка из дорогой ткани, и белая глина подсыпана гуще, и инвентарь богаче. Спасибо древним грабителям за то, что, испытав попусту свои силы на меньших курганах, они не стали искать лучшего в самом большом. Инвентарь, впрочем, и здесь небогат, но он далеко превосходит бедный инвентарь целых погребений Башкирского стойла. В него входят: игольник из железа с медной иглой, три синие крупные цилиндрические бусины с белыми кольцами-глазками, железный нож, сломанное натрое большое бронзовое зеркало кульбского типа в футляре из дерева и кожи, круглое пряслице, туалетная резная ложечка из кости, в головах—остатки шкатулки с девятью медными пластинками оковки, у левого локтя—большой кусок белой глины. Зная много инвентарей этой культуры, такой сочтешь в рядовом могильнике довольно богатым.

Значение этой покойницы ясно. Она мать—глава большой семьи, нашедшей свой покой в курганах Башкирского стойла. В этом—продолжение традиций блюменфельдской ступени. Правда, с ней нет оружия, но оно не обязательно в женских могилах и предшествующей эпохи. Нет и явных черт ее жреческого достоинства; может быть, их оттолосок—в сакральной торжественности погребального сооружения над нею.

При разведках 1930 г. в бассейне р. Ори мною был раскопан курган (по дневнику № 3), высотой 0,90 м, диаметром 28 м. Он расположен

в 800 м на юг от середины поселка Матвеевского, Ак-джар тож. Рядом с ним был другой курган, вдвое меньших размеров. Несмотря на большое желание вскрыть оба эти кургана, я этого сделать не смог. Насыпь маленького была густо засеяна пшеницей, владелец которой ни за что не хотел ее запродать, так как были симптомы возможного неурожая. Большой курган дал очень интересную картину. Вокруг могилы шло ограждение в виде квадрата с округленными углами, со сторонами немного более 13 м; плитняк (40—50 см в поперечнике) лежал на горизонте в один ряд. Внутри него находилось второе кольцо, почти круглое в плане, диаметром около 11,5 м, из тяжелых неправильных гранитных обломков, достигавших до 1 м в поперечнике. С западной стороны оно состояло из 3—6 рядов камня и достигало от 3 до 6 м в поперечнике. Восточная сторона кольца состояла из трех-четырех рядов того же камня в гораздо меньших кусках, кое-где в виде поставленных на ребро плит до 1 м длиной. Ширина кольца с этой стороны 0,50—1,25 м. В южной части кольца перерыв в 2,5 м. С юга и запада внутреннее кольцо почти вплотную примыкало к могильной яме, часть камней в нее осела. Внутреннее кольцо почти вплотную подходило к внешнему ограждению. С востока к могиле примыкала невысокая куча из 11 больших блоков. Восемь штук из ее камней и из камней внутреннего кольца обвалились внутрь ямы. Над самой ямой в древности, несомненно, кучи не было. Вокруг могильной ямы, в значительной своей части покрытой внутренним кольцом из камня, шел слой хвороста чилиги (*Caragana frutescens*). Поэтому-то все опавшие в могилу камни неизменно имели на нижней стороне приставшие частицы хвороста. Поперечник слоя хвороста—в среднем 9 м. Толщина слоя—в среднем 10 см. Хворост верхних рядов лежал с запада на восток, в нижних рядах с севера на юг. Этот слой хвороста служил в древности перекрытием могилы, в которую он обвис по стенкам. Куски его в изобилии попадались в затянувшей яму земле. Яма находилась слегка к юго-востоку от центра кургана и сооружения. Это была обширная входная яма катакомбы, имевшая овальную, но близкую к прямоугольнику форму, ориентированная N 20 W—S 20,0, размерами 2,20 × 2,10 × 1,75 м. С глубины 0,65 м входная яма образовала уступ вдоль всей западной стенки, шириной 0,25 м. На 65 см ниже под этим уступом оказалась катакомба с дуговым сводом и устьем. Катакомба была отгорожена тремя песчаниковыми стоящими плитами, высотой до 0,55 м, длиной до 0,80 м, толщиной до 0,15 м. Они опирались на дно катакомбы. Длина катакомбы с С на Ю—2,50 м (она слегка заходила за концы входной ямы), ширина 1 м (20 см во входной яме, 80 см под сводом), дно ее было ниже входной ямы на 20 см, высота свода в среднем 0,65 м. Концы катакомбы закруглены. Могила не была ограблена, но жестоко потревожена сурками, перерывшими все заполнение входной ямы и вынесшими через камни, заграждавшие устье во входную яму, большую часть костей покойницы и вещей. Однако все это составляло, несомненно, один комплекс. Не восстановим только порядок расположения большинства вещей, и часть их для нас исчезла бесследно. От покойницы¹, очень пожилой, *in situ* сохранилось очень немногое: череп, нижняя часть правой руки, половина таза и правое бедро. Покойница, таким образом, лежала вытянуто на спине, головой на юг. Подобные катакомбы, хотя и редко, но известны для прохоровской культуры. При самой покойнице все-таки сохранилась часть инвентаря. На черепе обломки бронзовых пластинок, справа от черепа—серебряная снирячная серьга. На запястье находилась обшивка рукава или, может

¹ Определение пола было произведено мною на месте, и вслед за тем подтверждено Г. Ф. Дебецем в Антропологическом институте Московского университета.

быть, браслет из восьми бусин: одной плоской круглой из голубой пасты, двух овальных агатовых, слегка выпуклых с наружной и плоских с нижней стороны, трех стеклянных цилиндрических синих с желтыми опоясывающими полосками (на одной — полоски волнистые, одна из них рубчатая) и двух белых стеклянных в виде головок кегель. Несомненно, от обшивки того же рукава происходит бисер, найденный вокруг запястья, пастовый, белый, кольцевидный и биконический, белый и синий. Цилиндрические и кеглеобразные бусы — типов, известных в царских курганах Нижнего Приднепровья. Бисер же обоих типов известен с архаического до эллинистического времени. На верхней части бедра лежала перевернутая гипсовая чашечка с плоским дном. В ногах у западной стенки катакомбы пучок из 20 бронзовых стрел остриями к ногам, на остатках древесного тлена от колчана. Шесть стрел тех же типов были найдены во входной яме. Все они — втульчатые, трехлопастные, с гранями, опущенными в шип, типа царских курганов Скифии. По катакомбам разбросаны черепки сосуда. Его же фрагменты были найдены в большом числе во входной яме. Это лощеный черный сосуд одного из известных в прохоровской культуре типов — плоскодонного с почти шаровидным корпусом и штампованными зубчаткой поясками по плечикам. Бортик цилиндрической шейки отогнут. Он очень близок сосуду из кургана № 4 Прохоровского могильника. Упомянутая чашечка (диаметром 7 см) на низком поддоне, может быть, низ горшочка, отличается очень ровной коричневой поверхностью; тип встречается впервые. Из бронзовых кусков из катакомбы и входной ямы собралось простое круглое зеркало диаметром 14,3 см. Из входной ямы происходит край низкого бронзового блюда. Диаметр его не меньше 15—16 см. Оно гладкое, но по типу и отличной работе ничем не отличается от серебряных, роскошно украшенных раннепарфянских блюд Прохоровского кургана № 1. Найдены еще во входной яме: овальный кусок мела с отверстием в середине, неясный четырехгранный, тщательно шлифованный кусочек алебастрового предмета, обломок железного наконечника копья, цилиндрическая пастовая синяя бусина с белыми колечками-глазками и, наконец, кусок конского ребра с протоком лежащего хищника, имеющего длинную узкую голову травоядного. Напомню, что тип такого же копытного, но с зубами хищника, вырезан на костяной ложке из кургана Бис-оба Орского уезда, раскопанного Назаровым в 1888 г. и заключавшего женское погребение блюменфельдской культуры VI в. до н. э., и что один из костяных футляров наконечников копий из моего блюменфельдского кургана А 12 изображает роговую голову волка. В частности, в этом зверином стиле прямая связь блюменфельдской и прохоровской культуры. Большинство вещей, кроме сосудов, представляет сочетание предметов женского туалета и обихода. Его своеобразие — в наличии оружия, а именно 25 стрел при остатках колчана. В этом отношении описанное погребение сходно с курганом блюменфельдского времени в урочище Горбатый мост. Перед нами женщина вооруженная, женщина-стрелок. Она была погребена в эпоху расцвета прохоровской культуры в IV или III в. до н. э. Но старый обычай дожил до этого времени, как и упомянутый образ специфически местного хищника-травоядного. Эта женщина-стрелок сопровождается необычно грандиозностью сооружения в насыпи, величиной и редкою структурой ямы. В этом кургане сходится с описанным женским погребением кургана № 2 Башкирского стойла и с основным женским погребением кургана № 1 на Алебастровой горе, описание которого следует. Но из тех, по крайней мере, мать — хозяйка большой семьи, погребенная на Башкирском стойле, не была вооружена. В грандиозности погребального сооружения думаю видеть, как я в том же явлении на

Башкирском стойле, признак сакральности погребенной в прошлом.

Еще в начале моих раскопок 1927 г. я раскопал один курган в 4 верстах к СВ от Нежинки, на так называемой Алебастровой горе, месте современных ломок алебастра. В 1928 г. я вскрыл и остальные три кургана на ней, полностью, таким образом раскопав всю группу. Эта группа лежит в 4¹/₂ км к северу от описанного могильника на Башкирском стойле. Курганы расположены на четырех самых высоких точках горы, расстояние между ними от 150 до 650 м. Но их содержимое подтверждает их отношение к одной и той же прохоровской культуре; далекое расположение насыпей друг от друга не исключает их единства: группа прохоровской культуры, с курганами, далеко раскиданными друг от друга для использования высших точек данного холма или гряды, встречается, хотя и не особенно часто. Могильные сооружения группы на Алебастровой горе гораздо более различаются между собой в деталях, чем на Башкирском стойле. Она была, несомненно, много богаче по инвентарям: говорю «была», так как она в древности подверглась ограблению и очень жестокому. Самые курганы явно отстоят друг от друга во времени больше, чем на Башкирском стойле, и их погребения, может быть, охватывают более полутора или даже до двух столетий.

Курган № 1, раскопанный в 1927 г., был больше других и стоял на самой возвышенной точке горы, в ее юго-восточном углу. Его высота—1,60 м, диаметр 31,60 м, т. е. величина для этих мест очень почтенная. В насыпи часто попадались гнезда древесного угля, которые не образовывали, впрочем, целого кострища. Подо всем курганом на древнем горизонте тянулась ровная, тщательно уплотненная и слегка обожженная прослойка глины, толщиной около 10—12 см. Во многих местах она была прорезана впущенными позднее могилами. Всего в кургане было 10 погребений; 7 из них—прохоровской культуры, с обычным инвентарем и ритуалом, причем 4 были ограблены еще в древности. Основная могила (№ 9) находилась немного на ЮВ от центра. Над ней лежала очень правильная кладка из известнякового плитняка разной величины, ориентированная с СЗ на ЮВ. Ее длина 2,80 м, ширина 1,10 м, толщина 0,40—0,50 м. Она приходилась на глинобитной площадке, расположенной на горизонте подо всем курганом. Под этим сооружением поперек могилы лежало совершенно истлевшее и не осевшее вниз перекрытие. Это случилось потому, что еще до его разрушения могила была ограблена и через узкую грабительскую мину в стенке заплыва глиною. Яма была четырехугольная, ориентирована с СВ на ЮЗ и имела размеры 2,45×1,60×1,10 м. Грабители очистили ее совершенно: в ней оказались, и то не на месте, фаланги человеческой руки, плечо и лопатка барана. Было бы совершенно немисливо сказать, было ли это основное погребение женским или мужским, если бы грабители не оставили в своей узкой мине один предмет—почти полный большой алебастровый флакон¹. В урочище Башкирское стойло в женском погребении № 3 кургана № 4 найден точно такой же глиняный флакон, наполненный белой глиной. Таким образом, ритуальное назначение этой формы сосудов очевидно. Остальные 6 погребений той же культуры располагались вокруг основного на довольно близком расстоянии, не нарушая друг друга, чем выражено отчетливое знание расположения внутри кургана. Впрочем, одно нарушение есть. К СВ от центральной могилы находилось конское погребение в обширной яме. Оно, вероятнее всего, связано с основным и было перерезано поперек

¹ Крупные яйцевидные флаконы не следует смешивать с малыми римского времени, которые имеют явно туалетное назначение и встречаются, хотя и редко, в мужских могилах.

впускным погребением той же культуры. В целом весь этот курган по отдельным находкам позже Башкирского стойла и относится к III—II вв. до н. э.

Остальные три кургана той же группы для нашей цели заслуживают лишь самого краткого упоминания. Курган № 2 — высотой 0,80 м, диаметром 15 м; насыпи всюду, но в небольшом количестве древесный уголь, куча из камня над могилкой раскидана древними грабителями. В громадной, до 12,5 м², при глубине 1,40 м, общей могиле незначительные остатки двух мужчин и одной женщины. Ритуал и положение — обычные для прохоровской культуры. Инвентарь — тоже. В его составе меч с рукояткой чертомлыцкого типа, кинжал прохоровского типа, бронзовые наконечники стрел — по системе Рау, скорей позднего IV в., бусы и браслет — времен царских курганов Скифии. Весь комплекс — скорее IV в. Курган № 3 — высотой 0,90 м, диаметром 21,80 м; в насыпи немного углей. В центре — могила под подковообразною кучею камня, выгнутой к северу, очень большой (высота до 90 см, длина 5,50 м, ширина 3—4,5 м); под ней горбыль на площади 81 кв. м; прямо под кучей обширная яма до 17 кв. м, при глубине в 1 м. В ней покоились по прохоровскому ритуалу 3 покойника, убитые воины, одно погребение разграблено. Важная черта инвентаря — сосуществование кинжала с антеннами, и кинжала с серповидным навершием и прямым перекрестием, набор конских узд в очень хорошем зверином стиле, обычно не свойственном прохоровским погребениям, и архаизирующий набор бронзовых стрел, едва ли позже первой половины IV в. Курган № 4 — высотой 0,30 м, при диаметре 10 м. Могильная яма — в виде квадратного входа (2,20 × 2,20 м), с уступом вдоль западной стенки и узким, но глубоким подбоем под восточной. В ней в обычном положении прохоровского типа, на подстилке из мха, густой посыпке белой глиной и на слое углей — мужской костяк. В инвентаре наконечники стрел, очень близких самой Прохоровке, но несколько архаичнее; часть из них близка кургану № 2 Алебастровой горы, т. е. весь комплекс относится к IV—III вв.

Вся группа просуществовала около трех веков. Позднейший из курганов — это № 1. При всем том ее принадлежность к одной культуре несомненна, и внутренняя связь курганов, связанных единством традиции, неоспорима. В чертах инвентаря кургана № 1, при стойком прохоровском ритуале, есть близость к ступени А сарматских культур Поволжья и Приуралья по Рау. Она выражена в появлении лощеной посуды, алебастрового флакона, в формах бус. Я не могу здесь останавливаться на хронологических выводах Рау, но могу смело сказать, что в его стадии А есть несколько могил, по крайней мере, I в. до н. э., а то и раньше, и притом с довольно сильными пережитками прохоровского ритуала. Таким образом, этот курган связывает прохоровскую культуру органически со следующей ступенью. Сам же по себе курган № 1 Алебастровой горы представляет то же, что весь курганный Башкирского стойла. Это — кладбище одной большой семьи с основным погребением женщины-родоначальницы, к тому же конной женщины. Столь же тщательно и грандиозно очищенное огнем надмогильное сооружение. Думаю, что в этом отражается значение покойницы как жрицы.

В раскопках памятников прохоровского типа у меня не мало предшественников. Среди них совершенно ненаучные работы Нефедова и Кастанье и вполне на уровне времени стоявшие раскопки Аниховского, Попова, Макаренка и Руденка. Но в большинстве случаев им недостает больших масштабов; они или натолкнулись на ограбления, или чрезвычайно важные памятники, ими раскрытые, ничего не дают для нашей темы. Даже далско превосходящие по технике и тщательности всех моих пред-

шественников и меня раскопки С. И. Руденка в самой Прохоровке в 1915 г.¹ принесли для этого меньше, чем могли бы, так как он лишь исследовал неразграбленные в древности, но раскопанные кладовщиками курганы. Все курганы этой группы—около 1,5 м высоты, с диаметром более 20 м. Несомненно женским было погребение кургана № 2. В широкой яме со ступенями (2,5 × 1,7 × 2,1 м) головой на юг лежала покойница. Ее сопровождала обезглавленная тушка овцы (обычай, очень свойственный блюменфельдской ступени и крайне редкий в прохоровской). Инвентарь этой женщины-воина превосходит все ранее встречавшееся: зеркало, кинжал, гривна, перстень, пронизь, плоская синяя бусина, разделенная крест-накрест желтыми полосами на четыре сегмента, в каждом из которых по зеленому глазку с желтым пояском, железный кинжал, такое же копье и железный трехгранный наконечник стрелы. Женщина-воин здесь не только стрелок. Курган № 3 заключал квадратную могилу (4 × 4 × 1 м) со ступенями. Руденко смог собрать лишь кости мужчины, лежавшего здесь головой на юг. Но погребение, несомненно, до ограбления было коллективным. В инвентаре вещи чисто женского обихода: крупные иранские бусы от ожерелья, три туалетные ложечки, зеркало и зеркальце, подвески и раковины. Меч, конечно, мужчины, стрелы же либо принадлежат ему, либо их надо поделить. Курган № 4 заключал не менее трех костяков в могиле со ступенями (3 × 2,80 × 1,60 м); среди них хотя бы одна женщина—об этом говорят бусы, золотые серьги и зеркало. В составе находок из насыпи—край плоского блюда с орнаментом в виде пояса совершенно схематизированных резных орлиных голов.

Бога́тый могильник, исчерпанный полностью, заключал почти одно-временные погребения III—II вв. до н. э. Серебро и золото изобильно во всех могилах. В первой мужской—два роскошные раннепарфянские блюда. Во втором кургане—женщина-воин. Она уже не ограничивается одними стрелами. С нею кинжал и копье (оружие, кстати сказать, еще известное и блюменфельдское время и почти исчезнувшее в прохоровское). Подчеркивая ее значение, ей соблюли религиозный обычай прошлого и положили с ней целую обезглавленную овечью тушку; может быть, в этом отразилось ее жреческое достоинство. В последнем отношении от нее не отстает и женщина IV кургана: при ней сохранился переносный алтарь—каменное блюдо, без ножек, но в святиищем зверином стиле.

В Нижнем Поволжье я знаю 16 погребений прохоровской культуры. Все они по одному, два, три входят в состав несколько более поздних сарматских курганных групп, заключающих от 10 до 60 насыпей. Н. Д. Рау открыл сплошные могильники. Но с их инвентарем и описанием я не знаком. Ритуал и инвентарь тех, что мне известны, судя по краткой, но ясной их характеристике, данной Рау в его последней книжке, совершенно идентичен приуральским. Тем самым все, что верно для Ноураля, верно и для Поволжья.

Уральские же курганы рассказывают, что женщина-воин, женщина-жрица продолжали жить. Может быть, ее значение даже возросло. Компактные могильники этого времени указывают на обособление крупных семей с числом взрослых членов до 30 человек. Отдельные семьи разбогатели (Прохоровка) или были относительно бедны (Алебастровая гора, Башкирское стойло, Горбатый мост). Может быть, этим объясняется одиночность могил предыдущего времени, когда отдельные семьи не вели отдельного кочевания. Сравнительно малый род не распадался, и усопших хоронили на всех видных местах родовой территории. Тогда женщина-жрица отпиривляла общеродовой культ, и для этого ей служил

громоздкий переносный каменный алтарь. Отдельные семьи рода богатели, другие худали. Род сохранялся, но под главенством своих богатых семей. Его блюстительница уже не применяла более тяжелых атрибутов. В предшествующую эпоху почти каждому родичу давали в загробный путь одну, две и даже три туши овец, а то и коней. Теперь этот обычай сменился положением неполной туши. Лишь воинственной главе семьи, блюстительнице родового культа, клали целого коня (Алебастровая гора) или овцу (Прохоровка).

Был ли здесь материнский род в собственном смысле слова? Роды савроматов с самого начала основывали свое благополучие на кочевом скотоводстве. Роскошные погребения воинов-мужчин известны, начиная с кургана А 12 и Блюменфельда и до мужских погребений Пюкровки, Прохоровки, Алебастровой горы и Красногорского поселка. Обиход мужчины — всегда обиход воина, женщины — только изредка. Но они были близки к мужчинам по образу жизни, некоторые принимали участие в войне, отправляли культовые обязанности; счет родства явно шел по материнской линии. Однако часто важен и тождественен обиход воина-мужчины. Он чаще удостоивается (даже рядовой член рода) мощных каменных сооружений над могилой. У женщин мы их видим редко, но именно тогда, когда можно подозревать руководящее ее положение в роде или семье. Тогда оно особенно торжественно и грандиозно. Вполне материнский род здесь явно налицо. В силу каких причин сохранились эти мощные следы матриархата у савроматов? На это дают ответ греческие писатели. Они подчеркивают большую отсталость у савроматов сравнительно со скифами. Страбон говорит, что вплоть до его времени варвары не пропускали греческих купцов по Танаису и на задонские рынки, сами ведя торговлю через боспорскую колонию Танаис. Отдаленные и недоступные степи позволили сохранить старые социальные пережитки долго и прочно. Да и действительно, как ничтожен и греческий и иранский импорт сюда в течение всех трех веков. Только в прохоровскую эпоху иранский импорт несколько усиливается, когда увеличивается богатство отдельных семей путем дальнейшего развития скотоводства. А к концу этой эпохи открываются широко и двери эллинским купцам. Не связано ли это с тем, что часть сарматских племен во II веке до н. э. ушла от Дона до самого Днепра?

III. Сарматская, или сусловская, культура

Если число известных к нашему времени погребений I и II ступеней каждой по отдельности исчисляется в подсотни с небольшим, то для третьей оно значительно заходит за сотню. К тому же их много известно из Поволжья и только единицы из куйбышевско-чкаловских степей. Конечно, это в значительной степени зависит от более широкого размаха исследований П. С. Рыкова и П. Д. Рау в Нижнем Поволжье; но все же можно думать, что в первые две эпохи основная савроматская территория находилась на севере, а затем сарматы переместились в основной массе южнее, не оставляя отнюдь куйбышевско-чкаловских степей. Это вполне вяжется и с письменными данными. Обилие данных, хорошее состояние публикаций и роскошь могильников целиком или почти целиком избавляют от необходимости много останавливаться на этом. Следует лишь заметить, что Рыков и Рау делали ошибку, относя огульно все могилы двух основных типов этого времени к I—II вв. н. э. Часть могил и в Сусловском могильнике и других, вскрытых Рыковым и среди раскопанных Рау

восходит ко времени с конца II в. до н. э., когда модифицируются формы прохоровского ритуала. Это могилы широкие, с заплечиками или без них, немногие из квадратных и круглых ям с диагональным положением покойников, некоторые из узких ям и катакомб, где покойник лежит на юг или юго-запад головой. Остановлюсь лишь на том, что непосредственно касается нашей темы. Число вооруженных женщин довольно велико на бюменфельдском этапе, они реже, но хорошо заметны в прохоровское время. В третьей ступени на множество погребений их только две. При чисто женском инвентаре и тщательно определенном поле в курганах Сусловского могильника № 31 и 47 встречены обычные для этого времени трехлопастные черешковые наконечники стрел. В этих громадных могильниках уже нет выделенных погребений женщин-родоначальниц. Следы культового значения женщины еще налицо. Довольно часто в женских могилах попадают своеобразные цилиндрические сосудики с отверстием и стопкообразные сосуды. При них в Сусловском могильнике и в кургане № 16 II курганника близ Харьковки (раскопки 1926 г.)¹ найдены следы душистой смолы и угля в сосудах, куда эти сосудики были вставлены, как в курильницы. Сосудики эти находятся, однако, в совершенно рядовых женских погребениях, а единично даже в мужских. В них можно видеть принадлежности ритуала домашнего культа, который, хотя и оставался в руках женщины, но частично перешел уже в мужские руки. Нет больше матери-хозяйки большой семьи: на рубеже II и III ступени культуры установился патриархальный род с малой семьей. Но пережитки еще налицо; для женщины не зазорно выступать с луком, и в ее руках еще сохраняется отчасти семейный алтарь, но уже в пределах малой семьи.

Замечательно интересно парное погребение этого времени не позже I в. до н. э. в кургане А 2 на р. Торгуис². Здесь в круглой могиле (держит овальных ям прохоровской культуры) лежали рядом головами на ЮЗ мужчина и женщина. Мужчина был вооружен мечом и стрелами, при женщине бусы и алебастровый флакон. Она была погребена лицом вниз. Не первый ли это случай насильственного сопровождения мужа в потусторонний мир? Это кажется при изложенных обстоятельствах вполне вероятным, хотя возможны и другие догадки. В то же самое время женщина была обставлена сосудами и украшена дорогим ожерельем из скарабеев. Именно около нее по-старинному—обезглавленная тушка овцы и алебастровый ритуальный флакон старого типа. Она сохранила черты жрицы—носительницы старого культа, может быть, уже страшного для современников прежнего чародейства. Не потому ли она положена на живот? Но лицо ее все же обращено к мужу.

IV. Аланская, или шиновская, культура

Еще в конце предыдущего периода в могилах всех типов попадают намеки на новые порядки. Начинает господствовать узкая, продолговатая яма, изредка появляются деформированные черепа, и южная ориентировка сплошь сменяется северной во всех типах могил. К концу III в. остаются только узкие ямы и не менее частые катакомбы всегда под западной стенкой могилы. Все почти черепа деформированы. В ритуале мел становится редок. Я не буду здесь приводить аргументов Рау, совершенно неопровержимых, что в носителях этой культуры можно видеть одних

¹ Не опубликовано; вещи хранятся в Государственном историческом музее в Москве.

² P. R a u, Hügelgräber römischer Zeit usw., Pokrowsk, 1927, стр. 16.

только ранних аланов. Подтверждать его соображения не приходится, настолько они убедительны. Но эта культура развилась на почве предыдущих, приняла и унифицировала ранее установившиеся формы быта и ритуала, внося ряд новых деталей. Соотношение территориальное между чкаловскими и поволжскими степями таково же, как и в предыдущую эпоху. Курганики или органически продолжают увеличивать кладбища предыдущей ступени (Суслы, Харьковка III), или образуют сплошные, тогда небольшие, самостоятельные группы (группы А, Б, В и—под Блюменфельдом, г. Степной, средняя подгруппа Бис-обы на Бердянке). На две слишком сотни таких погребений нет ни выделения женщин—глав семей, ни женщин с оружием. В руках женщин оставалось, впрочем, что-то из домашнего культа: кубические ритуальные сосудики иногда попадаются в их могилах. Впрочем, единично они есть и в мужских. Так окончательно восторжествовало патриархальное начало над материнским. Осталась лишь его слабая тень в отравлении домашнего культа. Вот перед нами два богатых погребения у станции Шипово Уральской железной дороги¹. Они под разными курганами. Но единообразие их инвентаря, полное тождество могил и гробов и даже деформации черепов и искусственное слияние пол курганов говорят, что здесь похоронены муж и жена. Пела кургана жены властно покрыта полкой мужниной насыпи. Или последний штрих. Вот курган № 2, погребение № 2, у поселка Каменного, близ той же станции². Мужчина спокойно лежит в могиле. Рядом брошен женский костяк. На его черепе следы насильственной смерти. Ректор Саратовского университета, крупнейший хирург Миротворцев определил ее смерть так: сначала нанесен надрез и сильный удар мечом по темени, от которого выколотен кусок кости. Удар этот лишь оглушил тяжело раненную женщину. Тогда уже лежащей ей был нанесен удар мечом, снесший ей прочь весь правый висок и бывший смертельным. Она не была чужеземкой: ее череп также деформирован, как и у ее повелителя. Таким жестоким актом закончилось сарматское, столетиями жившее, женовластие. И если мы начали это сообщение словами псевдо-Скилака: «Σαρματῶν δὲ ἔστιν ἕνος γυναικοκρατορέων», то надо закончить словами Аммиана Марцеллина об аланах (XXXI, 20): «omnis igitur aetas et sexus inbellis circa vehicula ipsa versatur, muniisque distingitur mollibus».

¹ П. Рыков, Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет), из «Известий Краеведческого института» Саратов, т. I (1926), стр. 13 и 14, курганы №№ 2 и 3.

² П. С. Рыков, там же, стр. 19, к. № 2, п. № 2.